

Сочинения А. Островского

Два тома. Спб., 1859

Дружинин А. В. Литературная критика / Составление, подготовка текста и вступительная статья Н. Н. Скатова; Примеч. В. А. Котельникова. - М.: Сов. Россия, 1983. (Б-ка рус. критики).

OCR Бычков М.Н.

С какой стороны ни станем мы глядеть на деятельность г. Островского, мы должны будем признать ее самую блистательною, самую завидною деятельностью в современной нам русской литературе. Г. Островский, один из всех ныне живущих литераторов, подарил России два произведения, которые, если их поставить рядом с сокровищами, оставшимися от предшествовавшего нам литературного поколения, не померкнут и не уступят первенства ни знаменитой комедии Грибоедова, ни драматическим трудам самого Гоголя. Имя Островского знакомо и дорого тысячам простых людей, не читавших русских поэтов и никогда не раскрывавших ни одного русского журнала. Над типами, созданными нашим драматургом, с любовью работали первоклассные артисты, каких и в Европе отыщется немного; лучшие дни в карьере гг. Садовского и Мартынова неразрывно связаны с произведениями Островского. Все, что только есть чистого, даровитого, серьезного в русской труппе и между любителями русского театра, с сочувствием рассчитывает на будущую деятельность нашего автора, и не только на будущую, но даже и его *прошлую* деятельность. До сей поры, первое и наиболее сценическое произведение Островского комедия "Свои люди - сочтемся" еще не была дана ни на петербургской, ни на московской сцене. Эта участь в свое время выпала на долю "Горя от ума" и "Ревизора", произведений, которые все-таки были наконец играны и составили собой краеугольные камни русского репертуара. То же будет и с комедией "Свои люди - сочтемся". Еще немного времени наш театр будет обходиться без нее, более и более сознавая, чего он лишается и чего лишает публику. Наконец, общественное мнение сгладит и последние затруднения к постановке пьесы. День, в который нам удастся увидеть первую комедию Островского на нашей сцене, будет днем, памятным для всякого русского человека. Огромный сценический успех выпадет на долю комедии, и она останется на театре до той поры, пока русский язык будет существовать на свете.

Переходя к странным и в высшей степени достойным внимания отношениям русской критики к таланту г. Островского, мы и здесь видим зрелище именно завидное. Два года тому назад, отдавая отчет о творениях г. Тургенева, мы подробно говорили о невыгодном положении писателя, по какому-нибудь случаю или просто из прихоти судьбы чересчур милого и симпатичного для современных ему ценителей искусства. Мы выразили свое мнение о том, что изобилие роз и лавровых венков по временам бывает для литератора бесплоднее, нежели полное невнимание журнальных Аристархов. Про нападки судей пристрастных, как бы они ужасны ни были, мы отозвались еще определеннее: в них мы видели всегда и теперь видим самую благотворную случайность для молодого и богато одаренного деятеля. Розанов не выпадало на долю г. Островского, и пусть он от глубины души поблагодарит за то Аполлона. Пускай он горячо поблагодарит судьбу за весь этот поток неистовых порицаний, клокотавших около его имени, за всю хулу, изрыгавшуюся на талант, ему ниспосланный, за все эти яростные дифирамбы, почти доходившие до оскорблений, за всю ослепленную вражду пристрастных ценителей, не отступавших ни перед сплетней, ни перед печатного клеветой! Пускай теперь, завоевав себе неоспоримое место в самом первом ряду передовых наших деятелей, с высоты, на которую стал он и через первые и через последние свои произведения, он кинет спокойный взгляд на легион навсегда притихнувших недругов - и от сердца скажет спасибо им всем, начиная с заблуждавшихся, но честных порицателей, кончая презренными фельетонными башибузуками из мелкого литературного вассальства, бросавшимися на борьбу, кончившуюся их собственным неизгладимым позором. Островский может, не краснея, сказать это спасибо. В буре, поднятой около его имени, писатель созрел и окреп нравственно, испытал сам себя и, что важнее всего, приучился верить самому себе, в самом себе искать опоры и твердости. Благодаря вражде и обвинениям талант не пошел навстречу партиям, но сумел выждать той минуты, когда все партии пришли к таланту. И наконец, помимо пользы, о которой мы говорим, разве во всем этом крике и океане клевет не заключалось чего-то такого, что несет погибель слабому, но для сильных людей дает своего рода наслаждение? Розы ценителей, расточаемые г. Тургеневу, не лишат сна ни одного из наших писателей: это не лавры Мильтиадовы, от которых с Фемистоклом делалась бессонница¹. В Тургеневе завидны его